

ЖЮЛЬ ВЕРН

МИССИС

БРЭНИКЕН

Жюль Верн
Миссис Брэникен

«Public Domain»

1891

Верн Ж. Г.

Миссис Брэникен / Ж. Г. Верн — «Public Domain», 1891

«Каждый, кто собирается предпринять продолжительное путешествие и расстается с друзьями, подвергается риску никогда более не повстречаться с ними: возможно, что отъезжающие по возвращении не застанут тех, с кем им пришлось расстаться, или же им самим, быть может, не удастся возвратиться обратно. Соображения эти, однако, не тревожили моряков, входивших в состав команды судна «Франклин», снимавшегося с якоря утром 15 марта 1875...»

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава первая. «ФРАНКЛИН»	6
Глава вторая. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	12
Глава третья. ПРОСПЕКТ-ХАУЗ	17
Глава четвертая. НА «БАУНДАРИ»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Жюль Верн

Миссис Брэникен

По изданию: Книгоиздательство П. П. Сойкина, С.-Петербург, 1912 г.

* * *

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. «ФРАНКЛИН»

Каждый, кто собирается предпринять продолжительное путешествие и расстанется с друзьями, подвергается риску никогда более не повстречаться с ними: возможно, что отъезжающие по возвращении не застанут тех, с кем им пришлось расстаться, или же им самим, быть может, не удастся возвратиться обратно. Соображения эти, однако, не тревожили моряков, входивших в состав команды судна «Франклин», снимавшегося с якоря утром 15 марта 1875.

В этот день «Франклин» должен был выйти из порта Сан-Диего в Калифорнии, и ему предстояло совершить плавание в северных водах Тихого океана.

«Франклин» – трехмачтовая шхуна, водоизмещением 900 тонн, с большим количеством кливеров, марселей и брамселей на своих мачтах – мог по справедливости быть назван красивым судном. Приподнятая корма, несколько ниже обыкновенного опущенная ватерлиния, рассекающий под весьма острым углом волну нос, наклоненные, расположенные, однако, в строго параллельных плоскостях мачты, снасти из гальванизированной проволоки, по крепости своей ничуть не уступающие полосовому железу, – все это, несомненно, давало право «Франклину» занимать главенствующее место среди самых совершенных по своей конструкции, изящных и стройных клиперов, которые нашли применение в торговом флоте Северной Америки, нисколько не уступая по скорости хода лучшим паровым судам.

Высокие качества «Франклина», равно как и личные достоинства его капитана, обуславливали настолько безграничную привязанность команды к этому судну, что ни один человек не счел бы для себя выгодным перейти на другой корабль, даже при повышенном вознаграждении. Вся судовая команда радостно готовилась к отплытию.

«Франклину» предстояло совершить первое продолжительное плавание за счет торгового дома Уильяма Эндру, в Сан-Диего. Судно было зафрахтовано в Калькутту, через Сингапур, с грузом продукции американской промышленности; на обратном пути в порт, расположенный у берегов Калифорнии, на нем предполагалось привезти продукты из Индии.

Капитану Джону Брэникену было двадцать девять лет. Наружность этого молодого человека была весьма привлекательна и отличалась выражением присущей ему решительности и силы воли. Ему свойственна была та храбрость, «храбрость в два часа ночи», по весьма меткому выражению Наполеона, обладая которой человек ни при каких обстоятельствах, как бы они ни были неожиданны, не потеряет присутствия духа. Густая шапка волос, живой и честный взгляд темных глаз придавали ему выражение больше силы воли, чем красоты. Вряд ли между его сверстниками можно было бы легко отыскать человека, обладающего более мощным организмом. Самым же существенным его достоинством было благородное, самоотверженное, всегда готовое помочь ближнему сердце, бьющееся в его груди. Джон Брэникен обладал темпераментом людей, незаурядное хладнокровие и самообладание которых дают им возможность совершать без малейших колебаний героические поступки. Он успел проявить эти свойства своей души уже в юные годы. Еще ребенком он однажды, во время ледохода, а в другой раз – с опрокинувшейся лодки, спас детей, которым грозила гибель в волнах.

Несколько лет спустя после смерти своих родителей Джон Брэникен женился на Долли Стартер, тоже сироте, семья которой принадлежала к числу наиболее почтенных в Сан-Диего. Весьма скромное приданое молодой девушки соответствовало скромному общественному положению молодого моряка – лейтенанта на коммерческом судне. Впрочем, Долли являлась наследницей очень состоятельного дядюшки, Эдуарда Стартера, землевладельца в самой пустынной части штата Теннесси. Пока же приходилось существовать вдвоем и даже втроем

– ибо в течение первого же года после свадьбы появился на свет маленький Уолтер, или Уайт, – на то, что зарабатывал Джон.

Но молодой человек быстро делал карьеру. Он был капитаном дальнего плавания в том возрасте, когда сверстники его занимают обыкновенно должности помощников капитана или лейтенанта на коммерческих судах. Столь раннее производство было обусловлено, с одной стороны, его выдающимися способностями, а с другой – некоторыми особыми обстоятельствами, справедливо обратившими на него внимание.

Действительно, Джон Брэникен пользовался популярностью и в Сан-Диего, и в других портах Калифорнийского побережья. Проявленная им самоотверженность создала ему репутацию не только среди моряков, но и среди судовладельцев Соединенных Штатов. Несколько лет тому назад перуанская шхуна «Сонора» потерпела крушение у входа в Коронадо-Бич; всему экипажу судна грозила гибель, если бы не удалось организовать сообщение между судном и берегом. Но всякая попытка доставить канат на судно неминуемо грозила бы смельчаку гибелью в волнах. Джон Брэникен, однако, не поколебался.

Он бросился в волны, яростно бившие о берег, но вскоре был выброшен назад.

Тщетно хотели удержать его от вторичной попытки, на которую от тотчас же решился, не заботясь о собственной жизни. Настояв на своем, он снова бросился в воду и добрался до судна. Благодаря этому подвигу Джона вся команда «Соноры» была спасена.

На следующий же год Джону Брэникену представился снова случай проявить свое мужество во время бури, разыгравшейся в открытом море, на расстоянии пятисот миль от берега в западной части Тихого океана. Он был в то время лейтенантом на «Вашингтоне», капитан которого был смыт волнами вместе с половиной экипажа. Оставшись с полудюжиной большей частью раненых матросов на корабле, на котором были сбиты все мачты, Джон принял на себя управление судном, которое не слушалось уже более руля, сумел овладеть им, установив запасные мачты, и привести его в порт Сан-Диего. Этот, почти не поддающийся управлению остов корабля, в котором находился груз товаров стоимостью более чем на полмиллиона долларов, принадлежал именно торговому дому Эндру.

Можно представить себе, какая встреча ожидала молодого моряка, когда судно стало на якорь в порте Сан-Диего. Единогласно признано было всеми, что должность капитана, которую Брэникену пришлось принять на себя вследствие несчастья в море, по праву принадлежит ему, и торговый дом Эндру предложил ему тотчас занять место капитана на «Франклине», только что спущенном на воду.

Лейтенант принял это предложение, чувствуя себя способным командовать судном; что же касается команды, то пришлось лишь выбирать из массы изъявивших желание служить с ним, – настолько велико было доверие к молодому капитану.

Вот в каких условиях предстояло «Франклину» совершить первое свое плавание под командой Джона Брэникена.

Отплытие этого корабля являлось событием в городе. Торговый дом Эндру заслуженно пользовался репутацией наиболее почтенного в Сан-Диего. Занимая видное положение как по солидности связей, так и по устойчивости кредита, этот торговый дом находился под умелым управлением Уильяма Эндру. Почтенный судовладелец не только пользовался уважением, но и любовью своих сограждан.

Поступок его по отношению к Джону Брэникену был одобрен всеми без исключения. Поэтому неудивительно, что на набережных утром 15 марта собралась толпа знакомых и незнакомых людей, чтобы прокричать приветствие молодому капитану.

Экипаж «Франклина», не превышавший двенадцати человек с боцманом включительно, состоял из превосходных моряков, причисленных к порту Сан-Диего и проявивших на деле высокие качества. Помощник капитана, некто Гарри Фельтон, пользовался репутацией прекрасного офицера и хотя был старше капитана на пять или шесть лет, тем не менее не тяго-

тился подначальным положением и не завидовал Брэникену. Он признавал за ним неотъемлемое право, в силу его заслуг, занимать положение капитана судна. Им обоим приходилось ранее плавать на одном и том же судне, и они питали друг к другу чувство взаимного уважения. Да и кроме того, все, что делал Уильям Эндру, всегда было удачно и хорошо. Гарри Фельтон и вся судовая команда были преданы ему и телом и душой. Большинство членов команды уже плавали на некоторых из судов, принадлежавших Уильяму Эндру.

Поистине офицеры и матросы, бывшие на службе у торгового дома Уильяма Эндру, составляли как бы одну семью, постепенно увеличивавшуюся по мере преуспевания дел хозяина.

Все эти обстоятельства вызывали подъем энтузиазма в команде «Франклина», отправлявшейся в новое продолжительное плавание без всяких тревог и опасений. Собрались отцы, матери, родственники попрощаться с ними, но все были веселы и спокойны, как бывает при проводах людей, которые не замедлят возвратиться обратно в скором времени. Раздавались пожелания:

– Счастливого пути и скорого возвращения!

И действительно, речь шла только о шестимесячном плавании, совершенно обыкновенном, в благоприятное время года – переходе из Сан-Диего в Калькутту и обратно, а вовсе не о какой-нибудь дальней экспедиции, на несколько лет. Все отъезжавшие уже участвовали во многих, гораздо более опасных плаваниях, и семьи не раз присутствовали при их отплытии.

Все приготовления к тому, чтобы сняться с якоря, подходили к концу. «Франклин» – на одном пока еще якоре – постепенно вытянулся из ряда судов, стоявших на рейде. С места своей стоянки трехмачтовое судно могло спокойно выбраться из пролива без помощи буксира. Достаточно было поднять якорь, поставить паруса, и легкий ветер с моря должен был вывести судно из бухты в открытое море, даже без перемены галса.

Капитан Джон Брэникен не мог пожелать более благоприятной погоды и попутного ветра, чтобы пуститься в открытое море, поверхность которого ярко сверкала от солнечных лучей. К десяти часам утра весь экипаж находился уже на судне. Ни один из матросов не мог отлучиться на берег, и путешествие как бы уже началось. С правой стороны судна, у сходней, находилось еще несколько портовых шлюпок, поджидавших тех, кто пожелал попрощаться с родственниками или друзьями на судне перед самым его отплытием. Хотя приливы и отливы вообще слабы в бассейне Тихого океана, тем не менее предпочтительнее было сняться с якоря во время отлива, который должен был вскоре наступить.

В числе присутствующих на первом плане были Уильям Эндру и миссис Брэникен с кормилицей, державшей на руках маленького Уайта. Их сопровождали Лен Боркер с женой, Джейн Боркер, двоюродной сестрой Долли Брэникен. Помощника капитана Гарри Фельтона, как человека неженатого, не провожал никто. Несомненно, что Уильям Эндру не поспешил на добрые пожелания и ему.

Гарри Фельтон находился в то время на баке, наблюдая за подъемом якоря. Слышен был уже металлический лязг цепи. «Франклин» постепенно выпрямился, и цепь все туже натягивалась. На грот-мачте развевался вымпел с инициалами торгового дома Эндру, тогда как национальный флаг на контр-бизани развернул по ветру свое полосатое полотнище, усеянное звездами, по числу штатов Союза. Раскрепленные паруса были уже подготовлены к установке, как только судно разовьет некоторую скорость.

На самом краю капитанского мостика, следя за всеми действиями команды, стоял Джон Брэникен, выслушивая последние наставления Уильяма Эндру. Затем судовладелец передал консамент молодому капитану, говоря:

– Если бы вам пришлось почему-либо изменить первоначальный маршрут, поступайте, Джон, как признаете наиболее соответствующим нашим интересам, оповестив нас с первого

же пункта, где вы бросите якорь. Быть может, «Франклин» войдет в один из портов на Филиппинских островах, так как вы ведь не предполагаете проходить по проливу Торреса.

– Нет, мистер Эндру, – отвечал на это капитан Джон, – я не намерен подвергать «Франклин» опасностям плавания по морям, омывающим северные берега Австралии. Путь мой лежит через Гавайи, Марианские острова, затем Филиппинские, Целебес, Макасарский пролив, а оттуда в Сингапур, через Яванское море. Из Сингапура же в Калькутту путь прямой. Я не предвижу каких-либо изменений в этом маршруте. На случай же, если будет необходимость передать мне что-либо экстренно, адресуйте либо в Минданао, куда, вероятно, я зайду, либо в Сингапур, где я обязательно брошу якорь.

– Хорошо, Джон. Вы же со своей стороны постарайтесь по возможности безотлагательно осведомиться насчет цен на товары в Калькутте. Возможно, тамошние цены вызовут изменения в первоначальных моих предположениях относительно товаров для обратного пути.

– Не премину сделать это, мистер Эндру, – отвечал Джон Брэникен.

В это время подошел Гарри Фельтон и сказал:

– У нас все готово, капитан.

– Начинается ли отлив?

– Да!

– Прекрасно, будьте готовы!

И, обращаясь к Уильяму Эндру, капитан Джон повторил:

– Еще раз благодарю вас, мистер Эндру, за предоставленную возможность командовать «Франклином». Надеюсь, сумею оправдать ваше доверие!

– Нисколько не сомневаюсь в этом, Джон, – ответил Уильям Эндру, – я уверен, что не мог бы отдать в более надежные руки интересы моего дома.

Крепко пожав руку молодого капитана, судовладелец с капитанского мостика направился к сходням. Тогда к мужу подошли миссис Брэникен в сопровождении кормилицы с ребенком, а также супруги Боркер. Момент разлуки приближался. Капитану Джону Брэ-никену оставалось лишь попрощаться с женой и родственниками.

Известно уже, что Долли была всего только второй год замужем и ребенку их едва минуло девять месяцев. Хотя предстоящая разлука с мужем была для нее и тяжела, тем не менее Долли усилием воли поборолла свою печаль. Двоюродная сестра ее Джейн, более слабая, не могла скрыть своего волнения. Она была искренно привязана к Долли, которая не один раз поддерживала и утешала ее в горестях жизни с мужем крутого и невожатанного характера. Для Джейн не было тайной, что, хотя Долли и не высказывала своих тревог, она тем не менее испытывала их. Конечно, капитан Джон должен был вернуться обратно через шесть месяцев, но им предстояла во всяком случае разлука – первая со дня их свадьбы. Что же касается Лена Боркера, то он, будучи человеком незнакомым с душевными волнениями, ходил взад и вперед по мостику совершенно равнодушный, заложив руки в карманы.

Привлекая к себе жену, капитан Джон обратился к ней со словами:

– Дорогая Долли, разлука наша будет непродолжительной... Мы увидимся через несколько месяцев... Не бойся за меня! Нам нечего опасаться на таком судне и с таким экипажем! Будь мужественной, как и подобает жене моряка. К моему возвращению маленькому Уайту будет пятнадцать месяцев. Он уже будет большим мальчиком. Будет уже говорить, и первое слово, которое я услышу от него по возвращении...

– ...будет твое имя, Джон! – отвечала Долли. – Оно будет первым словом, которое я научу его выговаривать! Мы будем постоянно говорить с ним о тебе! Джон, пиши мне при всякой возможности! С каким нетерпением я буду ожидать твоих писем. Пиши мне обо всем. Дай мне уверенность в том, что воспоминания обо мне всегда одинаково живы в твоём сердце и мыслях.

– Да, я буду писать тебе, дорогая Долли... Я буду сообщать тебе последовательно о нашем путешествии. Письма мои будут отчетом о плавании.

– Ах, Джон, я ревную тебя к этому морю, которое увлекает тебя так далеко от меня... Как завидую я тем, которые любят друг друга и могут не разлучаться! Впрочем, напрасно я об этом думаю.

– Дорогая моя, помни лишь одно: эта разлука вызвана только желанием дать тебе и ребенку довольство и счастье! Настанет время, когда мы будем обеспечены, и тогда уже не будет надобности нам разлучаться!

И, крепко поцеловав жену, он обратился к подошедшим к ним в это время Лену Боркеру и Джейн:

– Дорогой Лен, я оставляю на вас жену и сына! Я поручаю их вам, единственным нашим родственникам в Сан-Диего!

– Положитесь на нас, Джон, – отвечал на это Лен Боркер, пытаясь смягчить резкость своего голоса. – Долли не почувствует особой тягости разлуки.

– Мы постараемся ее утешить, – прибавила к этому миссис Боркер. – Ты сама знаешь, дорогая Долли, как я нежно люблю тебя. Я ежедневно буду проводить с тобой по несколько часов...

Разговор этот был прерван Гарри Фельтоном.

– Пора, капитан, сниматься!

– Хорошо, Гарри, – отвечал Джон Брэникен, – распорядитесь поднять кливера и контр-бизань.

Помощник капитана удалился, чтобы исполнить приказание.

– Мистер Эндрю, – сказал молодой капитан, обращаясь к судовладельцу, – шлюпка вас ожидает, и если вам угодно...

– Сейчас, Джон, – отвечал Эндрю. – Желаю вам еще раз счастливого плавания!

– Да, да... счастливого плавания, – хором подхватили все остальные провожавшие, спускаясь в шлюпку, ожидавшую их с правого борта «Франклина».

– Прощайте, Лен! Прощайте, Джейн! – сказал Джон, пожимая им обоим руки.

– Прощайте!.. Прощайте! – отвечала миссис Боркер.

– И ты, Долли, уезжай!.. Пора! – прибавил Джон. – «Франклин» готов к отплытию.

И действительно, поставленные паруса надувались, и корабль начал уже покачиваться.

Капитан Джон проводил жену к сходням, и в то время, когда она уже заносила ногу на первую ступеньку лестницы, он смог еще раз крепко прижать ее к своей груди.

И вдруг ребенок, которого Долли взяла на руки, потянулся к отцу, развел ручонками и пролепетал:

– Па... па... .. па!

– Дж, – воскликнула Долли, – тебе все-таки удалось услышать первое слово, произнесенное твоим сыном, до разлуки с ним!

Несмотря на всю присущую Джону твердость, он не смог удержать слезы, которая омочила щечку маленького Уайта.

– Долли, – тихо промолвил он.

– Прощай!.. прощай!

– Отчаливать! – крикнул он голосом, чтобы положить конец тягостной сцене.

Шлюпка тотчас же отчалила, направляясь к набережной. «Франклин» дрогнул, так как ветер с моря начал уже надувать паруса. Большой фок расправился уже вполне, контр-бизань, как только был закреплен, поставил корабль слегка к ветру. Благодаря этому маневру «Франклин» описал дугу, чтобы избежать возможного столкновения с каким-либо из судов, стоявших на якоре при входе в бухту, и, взяв четверть румба влево, направился в море, держа курс с таким расчетом, чтобы не менять галса.

Зрители, заполнившие набережную, были в состоянии оценить по достоинству эти маневры. Нельзя было представить себе ничего более грациозного, чем это судно, со своими

изящными линиями, когда оно, повинуясь своенравным порывам ветра, несколько наклонилось. Маневрируя, судну пришлось в одном месте подойти к набережной совсем близко, и как раз в той именно части ее, где находились Уильям Эндру, Долли, Лен и Джейн Боркер.

Молодой капитан еще раз взглянул на жену, родных и друзей и послал им всем последнее приветствие.

– Прощайте! – крикнул он.

– Ура! – отвечала толпа зрителей, махая сотнями платков. Капитан Джон Брэникен действительно был любим всеми. Разве он не был тем уроженцем Сан-Диего, которым этот город более всего гордился? Несомненно, весь город снова выйдет на набережную в тот день, когда судно возвратится.

«Франклин», находившийся уже у выхода из бухты, вынужден был снова лавировать, чтобы разойтись с длинным почтовым пароходом, который втягивался в пролив. Оба судна отсалютовали друг другу, подняв национальный флаг Соединенных Штатов Америки.

Неподвижно продолжала стоять на набережной миссис Брэникен, провожая взглядом постепенно удалявшегося «Франклина», подхваченного свежим северо-восточным ветром. Она решила следить за ним, пока мачты судна будут виднеться над стрелкой Айленда.

Вскоре «Франклин» обогнул острова Коронадо, расположенные вне бухты. На одно лишь мгновение выступил еще один раз, благодаря береговой впадине, вымпел, развевавшийся на грот-мачте, и корабль скрылся.

– Прощай, Джон, прощай! – прошептала Долли. В силу какого-то необъяснимого предчувствия она не в состоянии была закончить словами: «До свидания!»

Глава вторая. СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Будет нелишне описать несколько подробнее характер миссис Брэникен, которой придется в этой повести занять одно из главных мест.

К описываемому времени Долли (уменьшительное от Доротея) исполнился двадцать один год. Она была уроженкой Америки. Не вдаваясь в глубокое исследование ее генеалогии, легко было проследить принадлежность к латиноамериканской нации, правильнее выражаясь, мексиканской, от которой происходит большинство семейств в этой местности. Действительно, мать ее была уроженкой Сан-Диего, а город этот существовал уже в то время, когда Нижняя Калифорния еще принадлежала Мексике. Широкая бухта, открытая приблизительно три с половиной века тому назад испанским мореплавателем Хуаном-Родриго Кабрильо, получившая сначала название Сан-Мигуель, приобрела настоящее свое наименование в 1602. Впоследствии, в 1846 г., провинция эта сменила трехцветное знамя на полосатое, усыянное звездами, – национальный флаг Соединенных Штатов – и окончательно вошла в состав Соединенных Штатов Америки.

Среднего роста, с лицом, оживленным блестящим взглядом больших, глубоких, темных глаз, с густым румянцем на лице, длинными волосами, темная шатенка, с ногами и руками несколько большего размера, чем у чисто испанского типа женщин, с уверенной, но вместе с тем грациозной поступью, с выражением лица, отмеченным одновременно энергией и душевной мягкостью, миссис Брэникен являлась истинной красавицей.

Существуют женщины, относиться к которым безразлично совершенно невозможно, и Долли до своего замужества по справедливости считалась одной из самых красивых девушек в Сан-Диего, хотя красота здесь встречается весьма часто. В ней чувствовались серьезность, вдумчивость, здоровый ум и природные духовные дарования – словом, такие качества, которые еще полнее разовьются после замужества.

Да, не могло быть сомнения в том, что Долли, сделавшись миссис Брэникен, сумеет исполнить свой долг во всяких обстоятельствах, как бы затруднительны они ни были. Давая себе ясный отчет в действительном смысле жизни, она обладала возвышенной душой и твердой волей. Любовь к мужу укрепляла ее в понимании своего долга. Если бы пришлось, она охотно отдала бы свою жизнь за Джона, так же как и Джон за нее свою, и оба они отдали бы жизни за своего ребенка, который пробормотал слово «папа» именно в тот момент, когда молодому капитану приходилось расставаться с ними. Сходство маленького Уайта с отцом уже в то время было разительно; что же касается цвета кожи, то он унаследовал темный колорит своей матери.

Несомненно, миссис Брэникен почитала бы себя счастливейшей женщиной в мире, если бы Джону представилась возможность оставить службу моряка. Но как могла бы она подумать даже удерживать мужа около себя в то время, когда последовало его назначение на должность капитана «Франклина»? Наконец, необходимо было позаботиться и о приобретении средств для содержания семьи, которая, вероятно, не ограничится единственным ребенком.

Приданое Долли едва давало средства к существованию. Очевидно, Джон Брэникен мог рассчитывать в будущем на наследство, которое дядюшка должен был оставить своей племяннице, и лишь стечение совершенно неправдоподобных обстоятельств способно было лишить их этого состояния, имея в виду, что Эдуард Стартер, шестидесятилетний старик, не имел иных наследников, кроме Долли. Двоюродная сестра ее, Джейн Боркер, принадлежавшая к женской линии этого семейства, не состояла в родстве с дядюшкой Долли. Таким образом, Долли предстояло быть богатой в будущем, но, быть может, пройдет и десять, и двадцать лет, прежде чем она фактически сделается владелицей этого состояния. А из всего этого вытекала необходимость для Джона Брэникена усердно работать в настоящем, чтобы не опасаться за будущее. В силу всех этих соображений он твердо решил продолжать морскую службу и трудиться для

преуспевания торгового дома Эндру, тем более что был заинтересован в специальных торговых операциях «Франклина», а так как он был не только выдающимся моряком, но вместе с тем и весьма опытным коммерсантом, то все предвещало, что ему удастся приобрести известный досток в ожидании получения наследства дядюшки Стартера.

Скажем несколько слов об этом американце, типичном представителе своей расы.

Он был братом отца Долли, а следовательно, родным дядей молодой девушки, сделавшейся миссис Брэникен. Они остались сиротами, и старший его брат, отец Долли, позаботился о воспитании младшего.

В силу этого Стартер-младший навсегда сохранил к отцу Долли живое чувство признательности. Обстоятельства сложились для него благоприятно: ему удалось попасть на путь, который приводит к богатству, тогда как Стартер-старший неизменно обретался на пролесках, редко приводящих к желанной цели. Братья расстались, но, хотя их и разделяло огромное расстояние, младший брат из штата Теннесси не прекращал сношений со старшим, дела которого удерживали его в штате Нью-Йорк. Овдовев, последний поселился в Сан-Диего, родном городе своей жены, где и скончался в то время, когда свадьба Долли с Джоном Брэникеном была уже решена. Свадьба эта была сыграна тотчас по истечении срока, положенного для траура, и молодые супруги не обладали никаким иным состоянием, кроме весьма скромных, денежных средств, перешедших к Долли по наследству после смерти ее отца.

Незадолго до этого на имя Долли Брэникен пришло письмо от дядюшки. Письмо это было первым письмом его к племяннице – и последним.

По содержанию своему оно в кратких и вполне определенных выражениях устанавливало следующее.

Несмотря на расстояние, отделяющее Стартера-младшего от племянницы, и то обстоятельство, что последняя совершенно была ему неизвестна, ибо ему не пришлось ни разу ее видеть, он, Стартер-младший, тем не менее памятовал о том, что у него есть племянница, родная дочь его брата. Причиной тому, что ему не пришлось видеть своей племянницы, главным образом служило расстояние, которое между Теннесси и Калифорнией превышает несколько сотен миль, и Стартеру-младшему отнюдь не угодно было совершать такой необходимый для знакомства с племянницей переезд.

Исходя, однако, из соображения, что если Стартеру-младшему такой переезд представлялся слишком утомительным, то он в равной мере должен быть утомительным и для его племянницы, дядя заканчивал свое письмо обращением к ней не беспокоиться.

В действительности человек этот был настоящим медведем; конечно, не американским гризли с пушистым мехом и страшными когтями, а человеком с обликом медведя, избегавшим всякого человеческого общения.

Обстоятельство это не должно было, однако, вызывать тревоги в Долли. Приходилось мириться с положением племянницы медведя, но медведь этот обладал тем не менее сердцем дядюшки. Он не забыл своих обязательств по отношению к Стартеру-старшему, и дочь его брата будет впоследствии единственной наследницей его состояния.

К последнему своему заявлению Стартер-младший присовокуплял, что состояние его и в настоящее время представляло достаточный интерес для того, чтобы не отказываться от него, ибо оно заключалось в сумме до пятисот тысяч долларов, и были налицо все условия к тому, чтобы оно постепенно увеличивалось в будущем, так как все дела по земельной собственности в штате Теннесси последовательно улучшались. Имея в виду, что все состояние его заключалось в земельной собственности и скоте, он выражал уверенность, что ликвидировать дело возможно будет без всяких затруднений на очень выгодных условиях, и не могло быть и речи о недостатке покупателей.

Хотя все приведенное было изложено в столь положительном и несколько грубоватом тоне, свойственном представителям старой Америки, тем не менее сказано было весьма точно

и определенно, именно: все состояние Стартера-младшего перейдет целиком по наследству миссис Брэникен или ее детям в том случае, если род Стартеров будет продолжен через ее личное посредство. В случае же преждевременной кончины миссис Брэникен без прямых или иных наследников все состояние должно было перейти во владение государства.

В заключение письма обращалось внимание еще на два пункта.

Стартер-младший был холост. Таковым намеревался он оставаться и впредь.

Ту глупость, которую обычно совершают люди в возрасте от двадцати до тридцати лет, он не намеревался, конечно, совершить в шестидесятилетнем возрасте, – вот буквальная выдержка из его письма.

Стартером-младшим приложены будут все усилия к тому, чтобы обогатить племянницу свою возможно позднее.

Им приняты будут все меры к тому, чтобы отойти в лучший мир не ранее как по достижении столетнего возраста, и не следует ставить ему в вину проявляемого им настойчивого желания продолжать свое существование до крайних пределов, существующих в этом направлении. Наконец, Стартер-младший обращался к миссис Брэникен с просьбой – даже с приказанием – не отвечать на его письмо! Надлежало не упускать из виду, что не существовало почти никаких путей сообщения между городами и той местностью, которой он владел в Теннесси. Что же касается его лично, то он предупреждал, что не будет более переписываться, и единственное письмо, которое последует от него, во всяком случае не собственноручное, будет заключать в себе уведомление о его смерти.

Таково было содержание странного послания, полученного миссис Брэникен. Не могло быть никакого сомнения в том, что она была единственной наследницей своего дядюшки. Ей предстояло в будущем владеть состоянием в пятьсот тысяч долларов.

Но так как Стартер-младший весьма определенно выражал намерение пережить столетний возраст – а настойчивость северных американцев общеизвестна, – то Джон Брэникен весьма разумно поступил, не покинув своей службы. Весьма вероятным представлялось, что благодаря личным своим дарованиям, мужеству и сильной воле ему удастся приобрести достаточное для жены и ребенка состояние гораздо раньше того времени, когда Стартеру-младшему угодно будет выразить свое согласие на переселение в лучший мир.

Таково было положение, в котором находились молодые супруги в то время, когда «Фрэнклин» отплыл к западной части Тихого океана.

Покончив с изложением всех этих подробностей, относящихся к прошлой жизни семейства Брэникен, естественно теперь перейти к более близкому знакомству с единственными родственниками семейства Брэникен в Сан-Диего, мистером и миссис Боркер.

Последнее существенно необходимо для уяснения себе всех дальнейших происшествий, описание которых и составляет предмет настоящей повести. Лен Боркер, уроженец Америки, которому минул в то время тридцать один год, обосновался в столице Нижней Калифорнии несколько лет тому назад. Он был типичный янки, с невозмутимым выражением лица, с жесткими чертами; это был человек весьма решительный, деятельный и сосредоточенный, крепкого телосложения и неизменно замкнутый в себе. Существуют на свете такие натуры, которые по справедливости могут быть уподоблены домам, входы в которые весьма тщательно заперты и ни для кого и никогда не открываются. Не было, однако, никаких неблагоприятных слухов в Саи-Диего об этом малообщительном человеке, женитьба, которого на Джейн породнила его с Джоном Брэникеном. Неудивительно поэтому, что последний, не имея иных родственников, кроме Боркеров, поручил им Долли и ребенка. Собственно говоря, поручение это главным образом относилось к Джейн ввиду нежной дружбы, которая существовала между двоюродными сестрами.

Доверие капитана Джона к Лену Боркеру, несомненно, не было бы проявлено им, если бы только ему было известно вероломство этого человека, скрытое под непроницаемой маской

лица, его презрение ко всем законам, отсутствие уважения как к самому себе, так и к правам ближнего. Увлеченная довольно привлекательной внешностью и попавшая под его влияние, Джейн вышла за него замуж пять лет тому назад в Бостоне, где проживала со своей матерью. Вскоре после этого брака, который оказался впоследствии столь печальным, мать Джейн скончалась. Личное приданое Джейн и наследство после матери были способны обеспечить жизнь молодых супругов, если бы Лен Боркер был человеком, придерживающимся обычных, прямых путей. В действительности произошло совершенно иное; растратив частью состояние своей жены и подорвав личный кредит в Бостоне, Лен Боркер решил покинуть этот город. Переселившись на другой конец Америки, куда не могли дойти вести о его сомнительном прошлом, он рассчитывал, что при возобновлении своей деятельности на далекой окраине сможет еще найти благоприятную для себя обстановку, совершенно для него потерянную в Новой Англии.

Джейн, узнавшая уже к тому времени о делах своего мужа, выразила без малейшего колебания свое согласие покинуть навсегда Бостон, дальнейшее пребывание в котором представлялось весьма неудобным; к тому же она была счастлива открывающейся возможности сойтись с единственной оставшейся у нее родственницей. Они поселились в Сан-Диего, где Долли и Джейн снова сблизилась. Впрочем, в течении уже трех лет своего пребывания в этом городе, благодаря умению прятать концы не вполне чистых дел, Лену Боркеру удалось отвлечь от себя всякие подозрения.

Таковы были обстоятельства, которые привели к тому, что обе двоюродные сестры свиделись еще в то время, когда Долли не была замужем за Джоном Брэникеном. Молодая женщина и девушка быстро сблизилась и подружилась. Хотя можно было ожидать, при нормальном положении вещей, что Джейн будет руководить Долли, но в действительности произошло обратное. Долли была сильна духом, Джейн – слабохарактерная, и вскоре молодая девушка сделалась нравственной опорой молодой женщины.

Положение Лена Боркера между тем постепенно осложнялось. Остаток состояния его жены, вывезенного из Бостона, почти весь был растрочен.

Человек этот, игрок правильнее выражаясь, принадлежал к разряду тех людей, которые рассчитывают исключительно на удачу и все в жизни ожидают от последней. Направление это, идущее совершенно вразрез с разумом, неминуемо должно было повлечь за собой и в действительности повлекло одни лишь весьма прискорбные последствия.

Водворившись в Сан-Диего, Лен Боркер открыл контору на Флит-стрит, одну из тех контор, весьма схожих с притонами, в которых происходят предварительные обсуждения всяческих афер, независимо от того, соответствуют ли они по существу своему общеустановленным понятиям о законности и порядочности, и в которых принимаются решения, служащие началом в задуманном деле... Совершенно небрежливый в выборе средств, умеющий превращать возражения, делаемые ему, в доводы, подтверждающие справедливость выставляемых им лично положений, весьма склонный рассматривать чужую собственность как свою, Лен Боркер не замедлил смело ринуться в двадцать различных афер, которые одна за другой проваливались, унося каждый раз и часть оставшихся у него денег. К началу этой повести Лен Боркер доведен был до крайности, и нужда постепенно давала уже себя чувствовать даже в домашнем обиходе.

Благодаря, однако, тому, что ему удавалось пока сохранять в тайне все свои неблагоприятные делишки, он продолжал пользоваться некоторым доверием, что и позволяло ему увеличивать постепенно число уже обманутых людей, измышляя и осуществляя все новые дела.

Настоящее положение его неминуемо должно было завершиться пагубной для него развязкой. Недалеко было уже время предъявления к нему взысканий. Быть может, тогда предприимчивому янки, переселившемуся в Западную Америку, пришлось бы снова прибегнуть к уже раз испытанному средству избавления, то есть покинуть Сан-Диего, как покинут был им в свое время Бостон. А между тем каждый умный и честный человек, поставленный в одина-

ковые с ним условия, то есть обосновавшись в городе со столь значительным торговым оборотом, с каждым годом возрастающим, давно бы нашел возможность пробить себе дорогу. Но для этого необходимо было наличие таких качеств, которыми Лен Боркер вовсе не обладал, а именно – прямоты и честности.

Надо заметить, что о таком положении дел Лена Боркера не подозревал решительно никто из его знакомых. В торговых и промышленных сферах не подозревали даже, что этот искатель приключений быстрыми шагами приближался к гибельной развязке. И когда развязка наступила бы, весьма вероятно, что общественное мнение отнеслось бы сочувственно к бедствиям Боркера и приписало бы катастрофу не его нечестности, а неблагоприятно сложившимся обстоятельствам!

Таким образом, хотя Джон и не питал к нему чувства глубокого расположения, тем не менее никогда не сомневался в его добропорядочности.

Он был уверен в том, что Лен уберезит Долли во время ее одиночества, что дом Боркера будет всегда открыт для Долли и она найдет в нем радушный прием как родственница и подруга Джейн.

Лен Боркер не только не мешал дружбе двух молодых женщин, но даже всячески поощрял ее, смутно сознавая те выгоды, которые она могла для него представить в будущем. Он хорошо знал и то, что Джейн не проболтается и сохранит в тайне от сестры и недочет в их домашнем обиходе, и запутанность в его делах.

Хотя Джейн и убедилась в совершенном отсутствии совести у своего мужа и в его способности на самые низкие поступки, она тем не менее всецело находилась под его влиянием. Боясь его, она являлась совершенно послушным его воле ребенком, всегда готовым, повинуюсь его жесту, всюду следовать за ним, в какой бы части земного шара ему ни пришлось спасаться, ища убежища. И, наконец, просто из самоуважения Джейн никогда бы не решилась жаловаться Долли на свои жизненные неудачи. И хотя Долли смутно подозревала, что Джейн далеко не счастлива в своей семейной жизни, она не слышала от нее самой ни одной жалобы.

Глава третья. ПРОСПЕКТ-ХАУЗ

Тридцать лет тому назад Нижняя Калифорния – приблизительно третья часть штата Калифорния – имела не более тридцати пяти тысяч жителей. Ныне же в этой местности население возросло до ста пятидесяти тысяч. К указанному выше времени вся Нижняя Калифорния, расположенная на крайнем западе Америки, была совершенно необработана и пригодна лишь для скотоводства. Кто мог бы в то время предвидеть, какое блестящее будущее ожидало эту местность, столь уединенную, единственные пути сообщения с которой ограничивались на суше немногими грунтовыми дорогами, а на море – одним лишь рейсом, обслуживавшим береговые пристани. И тем не менее, начиная уже с 1769, к северу от бухты Сан-Диего, на расстоянии нескольких миль, на материке, существовало городское поселение, что дает Сан-Диего право на признание за собой древнейшего населенного пункта в Калифорнии.

В то время когда население Северной Америки героическим усилием сбросило с себя владычество Англии и образовало союз Северо-Американских Штатов, Калифорния принадлежала мексиканцам, но в 1846 Сан-Диего выступил в защиту своих гражданских прав и, освободившись от власти Мексики, присоединил Калифорнию к союзу Штатов.

Бухта Сан-Диего превосходна. Иногда ее сравнивают с бухтой Неаполя, но правильнее будет сравнивать ее с бухтами Вито или Рио-де-Жанейро. Площадь ее – двенадцать миль в длину и две мили в ширину – совершенно достаточна как для стоянки коммерческого флота, так и для маневрирования военной эскадры, ибо Сан-Диего считается одновременно и военным портом. Почти овальная по форме, с узким выходом в открытое море, на западе стиснутая между стрелками Айленд-Лом и Коронадо, эта бухта укрыта от ветра со всех сторон. Волнение в ней бывает редко и незначительно, и не представляет ни малейшей опасности для судов; глубина же ее позволяет укрываться в ней судам с осадкой в двадцать три фута. Этот порт по своим удобствам является единственным на всем западном побережье, к югу от Сан-Франциско и к северу от Сан-Квентина.

Очевидно, что, обладая такими преимуществами, старый город не мог долго пребывать в прежних границах. Вскоре в окрестностях, доселе покрытых кустарниками, пришлось приступить к постройке барачов для размещения кавалерийского отряда. Там же благодаря почину Хортонна возник пригород, который к настоящему времени вошел уже в черту самого города, расположенного на холмах, к северу от бухты. Рост города совершался с обычной у американцев быстротой. Израсходованы были миллионы долларов, и выросли дома частных лиц, общественные здания, конторы и виллы. В 1885 г в Сан-Диего насчитывалось уже пятнадцать тысяч жителей, ныне же – тридцать пять тысяч. Первая железная дорога была проложена к городу в 1881. Ныне же железная дорога, соединяющая Атлантический и Тихий океаны, предоставляет городу возможность сообщения с материком, тогда как учреждение Пароходного Общества по Тихому океану вполне обеспечивает сношения с Сан-Франциско.

Сан-Диего, красивый и весьма удобный для жизни город, расположен в высокой и здоровой местности; климатические условия не оставляют желать ничего лучшего. В окрестностях раскинулись поля, дающие богатые урожаи. Тут же тянутся леса с фруктовыми деревьями, растут виноград, апельсиновые и лимонные деревья.

Нормандия с Провансом могли бы дать представление о климате этой местности.

Что касается самого города, то он был построен при благоприятных условиях, не стеснен пространством и не перенаселен жителями.

Наука и искусство руководили застройкой города. Роскошные здания, широкие площади, скверы и бульвары сделали его очень красивым.

В то же время все, что составляет комфорт и удобства жизни, нашло применение в этом юном городе. Телефон, телеграф, трамваи, электрическое освещение – все явилось к услугам жителей Сан-Диего.

Здания таможни, двух банков, торговой палаты, различных контор, церквей, театров, рынков украшали город.

В нем были лицей, высшая и начальная школы и, наконец, издавались три ежедневные газеты, не считая журналов.

К услугам путешественников помимо десятка второстепенных гостиниц имелись три первоклассных отеля: Гортон-Хауз, Флоренс-Отель, и Герард-Отель; кроме них на другой стороне бухты была сооружена новая роскошная гостиница с сотней номеров, расположенная на возвышенности, у мыса Коронадо.

Туристы Старого и Нового Света, которые пожелают посетить столицу Южной Калифорнии, не пожалеют о своем решении.

Сан-Диего – город, в котором, как и в большинстве американских городов, жизнь бьет ключом, отличается деловым порядком, и для людей, не занятых делом, жизнь в нем проходит довольно монотонно, если не скучно.

Эту томительную скуку пришлось узнать и миссис Брэникен по отплытии ее мужа. С самого начала своей супружеской жизни она принимала участие во всех делах мужа. Последнему приходилось, в силу своих отношений с торговым домом Эндру, быть занятым и в то время, когда он находился на берегу. Независимо от занятий по торговым операциям, в которых он принимал участие, ему приходилось наблюдать за постройкой того трехмачтового судна, которое предполагалось передать под его команду. И с каким усердием, скорее даже любовью, следил он за всеми этапами строительства!

Долли очень часто сопровождала мужа при посещениях строительной верфи. Разве могли не вызывать значительного интереса в ней и рангоут судна, и причудливые формы самого остова, палуба с широкими прорезами для погрузки и выгрузки товаров, мачты, равнодушно лежащие до того времени, когда они гордо выпрямятся на назначенных им местах; внутреннее расположение жилых помещений, предназначенных для команды, и, наконец, каюты для командного состава? Все это в совокупности составляло жизнь Джона и его товарищей, которых в настоящую минуту оберегает «Франклин» от пучины Тихого океана! Думая обо всем этом, Долли не могла отрешиться от мысли при взгляде на каждую доску, употребляемую на постройку судна, что, быть может, именно этой доске суждено когда-нибудь послужить для спасения ее мужа. Джон вводил ее в круг производимых работ, знакомил со специальным назначением каждого из этих кусков дерева и металла, поясняя последовательный ход сооружения. Долли любила это судно, душой которого предстояло сделаться ее мужу. Не один раз спрашивала она себя, почему не собралась в путь вместе с капитаном, почему не взял он ее вместе с собой, почему она лишена возможности разделить с ним все опасности предстоящего плавания и вернуться обратно вместе с ним на «Франклин» в порт Сан-Диего? Да, она горячо желала бы никогда не расставаться с мужем! И в самом деле, разве не узаконился уже в Старом и Новом Свете обычай, в силу которого семейства моряков допускаются к плаванию на тех судах, где главы их несут службу? При таких условиях возможны совместные плавания моряков с их семьями, продолжающиеся иногда несколько лет подряд.

В данном случае был, однако, налицо ребенок, маленький Уайт; могла ли Долли поручить его всецело заботам кормилицы, лишив материнских ласк? Конечно нет! Могла ли она взять его с собой в плавание и подвергать всем опасностям продолжительного путешествия? Конечно, это было совершенно недопустимо! Она должна была оставаться при ребенке, чтобы сохранить в нем жизнь, не покидая его ни на одну минуту, окружая его непрестанными заботами и лаской, прилагая все старания к тому, чтобы он, бодрый телом и духом, мог приветствовать возвращение отца радостной улыбкой.

Отсутствие капитана Джона, впрочем, не могло продолжаться больше шести месяцев. «Франклин» должен был возвратиться в обычное место своей стоянки по окончании погрузки в Калькутте. Да и, наконец, не должна ли жена моряка рано или поздно приучить себя к необходимости периодических разлук с мужем, даже и в том случае, если сердце ее никогда не примирится с предстоящим при каждой разлуке горем? Приходилось безропотно подчиняться неизбежному, и Долли подчинилась. Но какой безотрадной, одинокой и тусклой казалась бы ей жизнь после разлуки с тем, кто вносил в нее радость и оживление, если бы она лишена была возможности вся отдаваться ребенку, на котором сосредоточила силу своей любви!

Дом, в котором поселился Джон Брэникен, был расположен на одной из последних площадок на тех холмах, которые окаймляют берег с северной стороны бухты. Дом этот был окружен небольшим садом апельсиновых и оливковых деревьев; вокруг усадьбы возвышалась простая деревянная изгородь. Дом, очень нехитрой постройки, но вместе с тем очень привлекательный по внешнему виду, был двухэтажный: к нижнему этажу примыкала открытая галерея, на которую выходили дверь и окна приемной и столовой; в верхнем этаже по всему фасаду выступал балкон; конек крыши разукрашен был изящной резьбой.

Благодаря своему расположению Проспект-Хауз пользовался вполне заслуженной репутацией помещения, особо удачно приспособленного для жилья. С балкона открывался широкий вид на весь город и через бухту до другого берега. Несомненно, дом этот был несколько отдален от деловой части города, но это весьма мало чувствительное неудобство с лихвой окупалось расположением его в высокой и здоровой местности, с доносившимся с моря южным ветром, увлажненным парами Тихого океана.

В этом доме Долли предстояло коротать долгие часы разлуки с мужем. Кормилицы ребенка и одной служанки было вполне достаточно для удовлетворения всех потребностей ее жизни. Единственными ее посетителями были мистер и миссис Боркер. Уильям Эндру, согласно своему обещанию, появлялся для сообщения ей всех полученных им вестей о «Франклине». Самые свежие вести о судах, находящихся в дальнем плавании, могут быть почерпнуты не из писем отсутствующих к их семьям, – письма эти доставляются по назначению гораздо позднее, – а из специальных морских газет, в которых публикуются известия о всех встречах кораблей в пути, стоянках в портах и вообще о всяких происшествиях с судами, представляющих известный интерес для судовладельцев. Таким образом, Долли могла быть уверена в том, что ее будут держать в курсе всего относящегося к «Франклину».

Что же касается чисто светских или соседских отношений, то она, свыкшись с уединенным положением Проспект-Хауз, никогда не искала и не поддерживала их.

Первые дни были очень тяжелы для Долли, хотя Джейн Боркер ежедневно навещала ее. Они ухаживали за маленьким Уайтом и говорили о капитане Джоне. Оставаясь одна, Долли проводила обычно часть дня на балконе. Глаза ее устремлялись вдаль через бухту, стрелку Айленд, острова Коронадо, далеко за видимый горизонт, за которым уже давно скрылся «Франклин». Мысленно догоняла она его, ступала на палубу и снова была вместе с мужем. Каждый раз, когда она замечала в открытом море корабль, приближавшийся к бухте, чтобы бросить якорь, она мысленно утешала себя, что наступит день, когда вдали на горизонте покажется «Франклин», как постепенно он будет виден яснее, приближаясь к бухте, и на палубе этого корабля будет находиться ее Джон...

Однако следовало иметь в виду, что здоровье маленького Уайта могло пострадать при постоянном пребывании в замкнутом пространстве Проспект-Хауз. Со второй недели после отъезда капитана Джона установилась превосходная погода; ветер с моря умерял наступающий зной. Признав полезным продолжительные прогулки на воздухе, миссис Брэникен вместе с кормилицей и ребенком на руках предпринимала их довольно часто. Прогулки эти были очень полезны для ребенка. Один или два раза для более дальней прогулки была нанята по соседству красивая повозка, которая увозила четверых, так как иногда к ним присоединялась миссис

Боркер. Таким образом однажды была совершена прогулка на холм Ноб-Гилл, застроенный дачами, на вершине которого возвышался отель Флоренс и откуда открывается вид далеко на запад. В следующий раз они направились в сторону скал Коронадо-Бич, о которые с грохотом разбиваются бешеные морские волны.

Теперь была очередь места, где чудесные утесы берега всегда покрыты пеной, остающейся на них после прилива. Долли как бы входила в более близкое соприкосновение с океаном, приносившем ей в виде эха вести из тех дальних вод, волны которых, быть может, как раз в это время, за тысячи миль, бешено бьются о борт «Франклина». Поглощенная своими мыслями, воображая перед собой корабль, плывущий под командой молодого капитана, она неподвижно стояла на одном месте, и уста ее произносили имя Джона...

Тридцатого марта, часов в десять утра, находясь на балконе своего дома, миссис Брэникен заметила приближающуюся к Проспект-Хауз Джейн Боркер. Джейн видимо торопилась, делая оживленные жесты в подтверждение того, что она несет хорошие вести. Поспешив сойти вниз, Долли встретила с ней у калитки в то время, когда Джейн собиралась открыть ее.

– Что случилось, Джейн? – спросила она.

– Дорогая Долли, – отвечала миссис Боркер, – ты узнаешь сейчас приятную весть. По поручению Уильяма Эндру могу сообщить тебе, что сегодня утром в Сан-Диего прибыл «Баундари», который имел встречу с «Франклином»...

– С «Франклином»?

– Да, с ним! Уильям Эндру, которому это стало известно перед тем, как мы встретились с ним на Флитстрит, рассказал мне об этом, и так как лично он может посетить тебя лишь после полудня, то я и поспешила к тебе тотчас же, чтобы поскорее тебя известить.

– И получены также вести о Джойе?

– Да, Долли.

– Какие? Говори же!..

– «Франклин» и «Баундари» повстречались в открытом море неделю тому назад и смогли обменяться почтой. Впоследствии обоим кораблям удалось настолько приблизиться друг к другу, что капитаны могли лично переговариваться и последнее слово, которое уловлено было капитаном «Баундари», было твое имя, Долли.

– Бедный Джон! – воскликнула миссис Брэникен, на глазах которой показались слезы умиления.

– Как счастлива я, Долли, – продолжала миссис Боркер, – что мне удалось первой передать тебе эту радостную весть!

– И я очень признательна тебе за нее! – отвечала Долли. – Если бы ты знала, как я счастлива! Если бы я могла ежедневно иметь вести о Джоне, дорогое мое Джоне! Видел его капитан «Баундари»? Джон говорил с ним!.. Это как бы еще одно слово приветя, которое он посылает мне через него!

– Да, дорогая Долли, и вновь повторяю тебе: на «ФранкLINE» все обстояло благополучно.

– Джейн, – сказала тогда миссис Брэникен, – мне необходимо лично видеть капитана «Баундари» и услышать от него все подробности. Где произошла встреча?

– Этого я не знаю, – отвечала Джейн, – мы узнаем это из вахтенного журнала, а «Баундари» лично сообщит тебе все подробности.

– Хорошо, я ненадолго задержу тебя...

– Нет, Долли, не сегодня, – отвечала на это миссис Боркер. – Нам нельзя будет сегодня попасть на «Баундари».

– Почему?

– Он прибыл сюда только сегодня утром, и ему назначена карантинная обсервация.

– Надолго?

– На одни сутки. Это просто формальность, но тем не менее доступ туда раньше снятия карантина никому не возможен.

– А каким же путем Уильям Эндру узнал о происшедшей встрече?

– Из записки капитана, переданной ему через агентов таможни. Успокойся, дорогая Долли! Не может быть никакого сомнения в верности всего, что я передала тебе, и ты завтра же лично убедишься в этом... Я прошу тебя вооружиться терпением на одни лишь сутки!

– Ну, что делать, повременим до завтра, – отвечала миссис Брэникен. – К девяти часам утра завтрашнего дня я буду у тебя, Джейн. Ты не откажешь мне съездить со мной на «Баундари»?

– Охотно, дорогая Долли. Я буду ожидать тебя завтра, и так как к тому времени карантин уже будет снят, то капитан сможет принять нас.

– Не капитан ли это Эллис, друг Джона? – спросила миссис Брэникен.

– Он самый, Долли, и «Баундари» принадлежит также торговому дому Эндру.

– Хорошо, Джейн. Я буду у тебя в условленное время. Каким бесконечно длинным покажется мне этот день.

– Позавтракаем вместе?

– Охотно, дорогая Долли. Муж вернется домой только к вечеру, и я могу провести с тобой весь день.

– Благодарю тебя, дорогая Джейн, мы будем говорить о Джоне, как и всегда.

– А как здоровье маленького Уайта? – спросила миссис Боркер.

– Прекрасно! – отвечала Долли. – Он весел, как птичка! Как счастлив будет его отец по возвращении! Я возьму его с кормилицей завтра с собой, Джейн! Я не люблю расставаться с ребенком даже на несколько часов! Я буду беспокоиться, если не буду его видеть.

– Ты права, Долли, – сказала миссис Боркер. – Превосходная мысль пришла тебе – дать Уайту воспользоваться прогулкой. Погода прекрасная, бухта спокойная. Это будет первым морским путешествием для него. Итак, решено?

– Да, решено, – отвечала миссис Брэникен. Джейн пробыла в Проспект-Хауз до пяти часов вечера. Расставаясь с двоюродной сестрой, она повторила ей, что ожидает ее к девяти часам утра следующего дня, чтобы посетить вместе с ней «Баундари».

Глава четвертая. НА «БАУНДАРИ»

На следующий день все рано поднялись в Проспект-Хауз. Погода стояла чудесная. Береговой ветер сгонял в открытое море последние остатки ночной мглы. Кормилица одела маленького Уайта, пока миссис Брэникен занималась собственным туалетом. Условлено было, что она позавтракает у Боркеров. А потому она лишь закусила в ожидании более плотного завтрака, так как поездка их для свидания с капитаном Эллисом должна была занять не менее двух часов. Им предстояло узнать столько интересного от почтенного капитана!

Миссис Брэникен вместе с кормилицей, которая несла на руках ребенка, покинули дом в то время, когда часы в Сан-Диего били половину восьмого. Быстро прошли они широкие улицы верхнего города, окаймленные дачами и садами, и вскоре вступили в более узкие и застроенные домами улицы торговой части города.

Лен Боркер проживал на Флит-стрит, недалеко от верфи, принадлежащей обществу «Пасифик-Кост-Стимшич».

Было девять часов утра, когда Джейн впустила миссис Брэникен к себе.

Помещение, занимаемое Боркерами, было очень простое и даже неприветливое по внешнему виду, при постоянном почти полумраке в комнатах вследствие закрытых ставней. Принимая у себя исключительно лишь посещающих его по делам, Лен Боркер не поддерживал никаких знакомств. Его мало знали даже на Флит-стрит, так как занятия вызывали постоянные его отлучки из дома в продолжение целого дня. Он много путешествовал, чаще всего совершая поездки в Сан-Франциско по делам, о которых не говорил с женой. В то утро, когда миссис Брэникен навестила Джейн, его не было в конторе.

Джейн Боркер извинилась за своего мужа: он лишен был возможности сопровождать их на «Баундари», но, несомненно, возвратится домой к завтраку.

– Я готова, дорогая Долли, – сказала она, поцеловав ребенка. – Не желаешь ли немного отдохнуть?

– Я не устала, – отвечала миссис Брэникен.

– Тебе ничего не нужно?

– Ничего, Джейн! Я горю нетерпением скорее повидать капитана Эллиса! Отправимся сейчас же, прошу тебя!

В услужении у миссис Боркер была одна лишь мулатка, привезенная ее мужем, когда они переселились из Нью-Йорка в Сан-Диего. Мулатка эта, по имени Но, была кормилицей Лена Боркера. Состоя в продолжение всей своей жизни прислугой в его семействе, она была глубоко предана ему.

Женщина эта, грубая и властолюбивая, была единственным живым существом, влиянию которого подчинялся Лен Боркер; ей-то и поручил он управление домом. Сколько раз приходилось Джейн страдать от проявления властолюбия с ее стороны, доходившего подчас до неуважения к ней. Но она подчинялась этой мулатке почти так же, как подчинялась своему мужу. В силу этого Но не признавала для себя необходимым спрашивать ее указаний или распоряжений по домашнему хозяйству.

Когда Джейн собиралась выйти из дома, мулатка настойчиво напомнила ей, что необходимо возвратиться домой ранее полудня, так как Лен Боркер обещал вернуться рано и нельзя было заставлять его ждать; к тому же ему предстояло переговорить с миссис Брэникен об одном важном деле.

– О каком деле? – спросила Долли свою двоюродную сестру.

– Не знаю, – отвечала миссис Боркер. – Пойдем, Долли, пойдем!

Нельзя было более терять времени. Миссис Брэникен и Джейн Боркер в сопровождении кормилицы, с ребенком на руках, направились к набережной.

«Баундари», с которого уже снят был карантин, не занял пока еще своего места для разгрузки у той части набережной, которая отведена была специально в распоряжение торгового дома Эндрю. Судно стояло еще на якоре среди бухты, на расстоянии одного кабельтова от стрелки Лома.

Предстояло совершить переезд по бухте, чтобы попасть на судно. Переправа могла быть совершена на одной из паровых лодок, специально совершающих каждые полчаса подобные рейсы приблизительно в две мили расстояния.

Долли и Джейн Боркер поместились в одной из этих лодок вместе с дюжиной других пассажиров, большей частью родственников и друзей экипажа «Баундари», пожелавших воспользоваться первыми же минутами свободного доступа на корабль.

Лодка отвалила от набережной и пересекла наискось бухту, выпуская клубы дыма из трубы.

При ярком солнечном освещении бухта предстала во всей своей красе, и вся площадь ее была доступна зрению помещавшихся в лодке. Совершенно отчетливо виднелись все здания в Сан-Диего, расположенные амфитеатром, холм, возвышавшийся над старым городом, залив между стрелками Айленд и Лом, огромный отель «Коронадо», напоминающий дворец по своей архитектуре, и, наконец, маяк, с которого льются на поверхность моря при закате солнца снопы света.

Миссис Брэникен и Джейн занимали одну из скамеек на корме. Около них поместилась кормилица с ребенком, который не спал и глазки которого воспринимали этот чудный свет, как бы оживляемый дуновением ветерка с моря. Он весь трепетал от радости, когда стаи чаек пролетали над лодкой, испуская пронзительные крики. Он был живым олицетворением здоровья, со свежими щечками и ярко-красными губками, на которых еще не обсохло молоко кормилицы, накормившей его перед уходом из дома Воркеров. Умиленная мать не спускала с него глаз, склоняясь иногда к нему, чтобы поцеловать, и тогда он смеялся, закидывая голову назад.

Вскоре, однако, внимание Долли привлечено было видом «Баундари».

Вся ее жизнь была сосредоточена сейчас во взгляде. Все ее мысли перенеслись к Джону, который теперь шел по волнам на таком же судне.

Увлеченная воображением и отдаваясь потоку воспоминаний, она дала волю своим чувствам и мыслям, и фантазия рисовала ей, как Джон поджидает ее на этом корабле... приветствуя ее рукой, завидя приближение лодки... вот она сейчас очутится в его объятиях... Имя его было у нее на устах... Она звала его, и он отвечал ей, произнося ее имя...

Тихий крик ребенка сразу перенес ее в суровую действительность. Ведь они направлялись теперь к «Баундари», а не к «Франклину», который был далеко, очень далеко от них, на расстоянии нескольких тысяч миль от американского берега!..

– Наступит день, и он будет стоять на этом самом месте! – прошептала она про себя, глядя на миссис Боркер.

– Да, конечно, так, дорогая Долли, – отвечала на это Джейн, – и тогда встретит нас на корабле сам Джон!

Она понимала, что чувство тревоги сжимало сердце молодой женщины в те минуты, когда та думала о будущем.

Паровой лодке понадобилось четверть часа для того, чтобы пройти те две мили, которые отделяли набережную Сан-Диего от стрелки Лома.

Пассажиры высадились с лодки на пристань, устроенную на скалистом берегу, и миссис Брэникен вместе с Джейн, кормилицей и ребенком на руках очутилась на берегу.

Им предстояло пройти немного назад, к месту стоянки «Баундари».

У самого берега, под охраной двух матросов, стояла лодка с «Баундари». Миссис Брэникен назвала себя, и матросы предложили доставить ее на судно; предложение это было ею принято, после того как она убедилась, что капитан Эллис находится на палубе своего судна.

Несколько взмахов весел – и капитан Эллис, узнав издали миссис Брэникен, направился к трапу; он встретил ее, когда она поднималась уже по лестнице в сопровождении Джейн и наказывала кормилице быть осторожной и крепко держать ребенка. Капитан проводил их в каюту, а помощник его приступил к снятию «Баундари» с якоря.

– Мне передали, мистер Эллис, – начала миссис Брэникен, – что вы повстречались в пути с «Франклином».

– Да, сударыня, это верно, – отвечал капитан, – и по совести могу уверить вас, что он был в превосходном состоянии, о чем я и не преминул сообщить мистеру Уильяму Эндру.

– Вы видели его... Джона?

– «Франклин» и «Баундари» прошли почти борт о борт, и таким образом капитану Брэникену и мне удалось перекинуться несколькими словами.

– Да!.. Вы видели его! – повторяла миссис Брэникен как бы про себя, пытаясь уловить в глазах капитана отблеск промелькнувшего в них образа «Франклина».

После этих слов миссис Боркер, в свою очередь, обратилась к капитану с некоторыми вопросами, к которым Долли внимательно прислушивалась, хотя глаза ее направлены были в открытое море.

– В тот день море было очень спокойное, – сообщил капитан Эллис, – и «Франклин» держался по ветру, поставив все свои паруса. Капитан Джон был на мостике, с подзорной трубой в руках. Он изменил курс на четверть румба, чтобы подойти к «Баундари», так как мне нельзя было менять курса, держась почти на предельном расстоянии, чтобы идти круто к ветру.

Весьма вероятно, что миссис Брэникен не давала себе ясного отчета в истинном значении всех технических выражений, употребленных капитаном Эллисом, но что неизгладимо запечатлелось в ее памяти, это сознание, что ее собеседник видел Джона и имел возможность говорить с ним.

– Когда мы очутились друг против друга, – продолжал он, – муж ваш, миссис Брэникен, послал мне приветствие рукой, крикнув: «Все благополучно, Эллис! Когда вернетесь в Сан-Диего, повидайте мою жену, мою дорогую Долли, и сообщите ей о нашей встрече!» Затем оба судна разошлись и вскоре потеряли друг друга из виду.

– Когда же произошла ваша встреча с «Франклином»? – спросила миссис Брэникен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.